
18+
Славинский Александр
НА ГРАНИ НЕБЫТИЯ
сборник рассказов

Александр Славинский

На грани небытия. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Славинский А. А.

На грани небытия. Сборник рассказов / А. А. Славинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967813-3

— А знаешь, я не хочу жить в таком мире, — сказал Павел, — где царят ложь, насилие, убийства.— Тогда создай новый, в котором все будут счастливы. Ведь именно так и задумывался этот мир, только сами люди почему-то сделали его подобием ада. Но мы же способны улучшить его. Поверь, в данном направлении можно написать массу сценариев. Например, учёные делают разные изобретения, которые преображают мир и делают его счастливее. Художники и композиторы создают образы, наполняющие сердца людей радостью.

ISBN 978-5-44-967813-3

© Славинский А. А.
© Издательские решения

Содержание

Призрак 6
Непобедимое оружие 13
На грани небытия 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

На грани небытия
Сборник рассказов
Александр Адамович Славинский

Юрий Кудряшов *Корректор*
Ксенон *Иллюстратор*
Тая Королькова *Дизайнер обложки*
© Александр Адамович Славинский, 2019
© Ксенон, иллюстрации, 2019
© Тая Королькова, дизайн обложки, 2019
ISBN 978-5-4496-7813-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Призрак

А в нашей жизни всё не просто так!
Моменты, люди, взгляды не случайны…
И каждый, кто войдет в неё хоть раз,
Оставит отпечаток изначальный.
Янина Бурмистр

Тьма. Искорки звёзд. Размытые пятна галактик. Тишина. Всегда одно и то же. Надоело!

В салоне корабля тоже царила тьма. Под стать настроению. На душе было скверно. Тарла отвлеклась от грустных мыслей, чтобы скорректировать курс, и опять удалилась в страну печали. К концу долгого путешествия её деятельную натуру всегда одолевала скука. А ещё она готовилась к тяжёлой встрече.

Сигнал вспорол тишину. Служба навигации прислала запрос идентификации. Тарла отправила электронный паспорт. Сразу же пришло разрешение на посадку. Её тут знали, ведь прилетала и раньше, и пропускали без излишней волокиты.

Путешествие окончено.

– Лука, а народ правду говорит? – спросил Иван, покосившись на спутника. – На нашем кладбище водятся призраки?

Осенними дождями расквасило почву, и ночную тишину сейчас нарушало лишь чавканье сапог ночного сторожа, делавшего обход кладбища.

– Водются, – пробурчал старик. – Один тошно. А чё тя потянуло на тему то?

– Да народ всякое болтает, – ответил Иван, поправляя дождевик. – Говорят, дни эти какие—то недобрые. Не по себе от таких разговоров. А у кого спросить, как не у бывшего сторожа?

– Верно, – кивнул Лука. – Но ты, мил человек, лучше не суйся к мертвякам. Им тоже не сладко. А всё почему? Добра от них никто не видел. Набедокурють при жизни, а потом маются в загробье, поскоку никому там не нужны.

– Скажи, Лука, а почему сам работу сторожа бросил?

– Да, ить, здоровьюшко подкачало. Годков—то уж немало. Отбегал я своё.

– А ты видел призрака? – вернулся Иван к волновавшей его теме.

– Кажись, пару раз, – ответил старик, обходя стороной памятник с крестом.

– Не страшно было?

– А чего бояться—то? Сам я не маленький, и проработал тута не один годок. Да, а како сёдни число?

– Тринадцатое октября. А что?

– Если свезёт, и сам увидишь призрака.

– Это почему? – насторожился Иван.

– Да потому. Число тринадцатое, а месяц – октябрь. В ентот день призрак и является.

– А что это за дата?

– Идём, покажу, – сказал Лука и за металлической оградкой свернул с тропы. – Или сдрейфил?

– Есть немного, – признался Иван, но последовал за товарищем. – Я ведь ещё и месяца здесь не работаю. Спасибо тебе, что приходишь, а то одному как—то не по себе.

– А чё ты ваще на кладбище устроился? Тута мало хорошего.

– Нужда. Диплома нет, а работать лопатой здоровье не позволяет. Уже за сорок мне.

– Эх, парень, не тама ты места в жизни шукаешь, – заметил Лука и, остановившись на развилке дорожек, кивнул: – Вот тута я и видел призрака.

За невысокой чугунной оградкой будто палец, указывающий в небо, стоял двухметровый камень. На необработанной поверхности лишь в одном месте ровный срез. В бледном свете луны глаза различили выбитые цифры – 13.X.1812.

– А чья это могилка?

– Не знаю, – выдохнул Лука. – Надписей—то нет.

Иван молча рассматривал памятник.

– Чистенько тут. Прибрано, – заметил он.

– Эге. Кто—то приглядывает, – согласился Лука. – Вона и лавочка окрашена. Сорняков нет, и дорожка вокруг ровненькая. А ведь могилка—то старая.

– А что ты видел? Ну, какой был призрак?

– Давай отойдём, – предложил Лука. – Хоть и не боюся привидений, но неспроста же народ байки о них сказывает. Негоже поминать лихо у ентого места.

– Точно, не стоит. – Иван поспешил за стариком. При упоминании о потустороннем у него всегда мураши по спине. – Как говорится, не буди лихо, пока тихо.

Отойдя на десяток шагов, Лука остановился. Иван, не сводивший глаз с указывающего в небо камня, зацепился ногой за оградку соседней могилки и едва не упал.

– Тише, горяча душа, – буркнул старик. – Ещё голову расшибёшь. Тута и похоронют тя.

– Да ну… тебя, – перекрестился Иван. – Попридержи язык. Накаркаешь ещё.

Окрепший ветерок колыхал деревья, и по земле метались тени. Скрипящие ветки добавляли жути, и новый сторож затравленно осматривался по сторонам. «Вот же работу себе нашёл» – подумал он с досадой.

– Я впервой увидал призрака лет десять назад, – поведал Лука. – Сам токо устроился сторожем.

– Долго же ты проработал тут, – хмыкнул Иван.

– А то. Иду я, значит, в ношной обход, – продолжил старик. – Гляжу, шой—то светится. Ну, думаю, перебрал малость, коль духи мерещатся. Ан нет. Подхожу ближе, сам чуть живой. А там сидит кто—то. Я, значит, кумекаю: взял парень лишку на душу, как и я, да и попутал лавочку парка с кладбищенской. Хотел погнать нарушителя—то, но шой—то будто держит. Стою я и соображаю: тута дело не чисто. Тот, подле могилки, должон быть тёмный, как памятник. Ночь ведь. Но я хорошо его вижу, будто кто на него фонарём светит. Гляжу – а он, подлец, движится. А сам—то голубой. Тут я и смекнул: призрак.

Иван с опаской покосился на загадочный камень.

– И что потом?

– Да ничё, – выдохнул старик. – Исчез супостат окаянный.

– Ты кому рассказывал?

– Я шо, пришибленный? – отмахнулся Лука. – Ещё сказали бы, из ума выжил, да со сторожки попёрли бы. И куды я опосля? Вот тя я могу предупредить. Сам поймёшь, кады увидишь.

Тарла остановилась у транспортатора. Пальцы коснулись голограммных клавиш, настраивая прибор для перемещения. Время суток на планете сверила заранее – там, куда она собиралась, лучше появиться ночью. В этот час обычно не бывает местных жителей, и никто ей не помешает.

Тарла поймала себя на мысли, что сегодня немного рассеянна – едва не покинула корабль без защиты. А это чревато последствиями. На каждой планете свои микробы и вирусы, обожающие иномирян. В лучшем случае начинаются болезни, и ты уже неэффективен. Но чаще – летальный исход.

Накинув плащ со встроенным активатором защитного поля, тут же засветившийся голубым, Тарла встала на платформу транспортатора. Если б собиралась в длительную командировку, сделала бы необходимые вакцины. Но ей и одного посещения достаточно.

Вскоре тело окружила лёгкая дымка, а пространство наполнилось пощёлкиванием статического электричества. Миг тьмы – и ты в новом мире.

– А когда второй раз призрака видел? – спросил Иван, неспешно шагая между памятниками.

– Второй… – Лука задумчиво почесал лоб. – Ага. В тот год померла моя соседка, баба Нюра. Пяток лет тому. Напарник тады прихворнул. Значит, иду я, о призраке уж и забыл, ведь является не каждый год. И вот гляжу – кто—то сидит у памятника. Я думаю о своём, и не смекнул, шо та самая могилка. Но тут чую – со мной неладно. Дыхалку спёрло, и ноги не идут.

– Испугался?

– А то. О призраке тут же вспомнил. Он сам голубой, а глазища красные, злые, тошно у покойной жёнушки, кады пьяным домой заваливал. Тут я и разглядел бабу. Молода, пригожа. Волосы длинные, до пояса. Но така огромна, шо пришлось голову задирать.

– А она? – не выдержал Иван.

– Баба та вытаращилась на меня, мол, чё припёрся? А я онемевши. В башке крутится токо одно: как бы с ентой красоткой самому дьяволу не представиться.

– А дальше что?

– Да поглядела она на меня, дурака старого, и пропала, – фыркнул Лука. – А я до утра промаялся. А днём к попу в церковь – мол, так и так. А тот лишь спросил: «Пил с вечера?» Ну, ессно, саму малость. А как тут не пить? Совсем рехнуться можно. А поп и выдал – мол, бела горячка у меня. Я, значит, смекнул, могет и так. Любил я побаловаться хмельком. А кады домой пришёл, глянул в зеркало – а волос—то седой.

– И больше призрака не видел?

– Не—а. Я, значит, опосля хотел узнать, кто похоронен под тем камнем. Эпитафии—то нет. Важный, небось, человек – генерал, али помещик какой. Но большевики спалили архивы. Так—то вот. Ну, а ты, Иван, когда седину в причёску запустил?

– Было дело, – поскрёб тот щетину.

– Горе какое, али шо?

– А—а—а, – махнул Иван рукой. – Пьянка всё.

– Да. Всё от неё, проклятой. Ну, так расскажи, всё утро ближе станет.

Иван и Лука свернули на асфальтированную дорожку, огибавшую кладбище. Обычно сторожа по несколько раз за ночь делали обходы, чтобы народ лихой не надругался над памятниками.

– Да что рассказывать? – вздохнул Иван. – Летом было дело. Работал я в деревне. Ну, тяпнули с мужиками, как водится. Да, видать, перебрали.

– Во—во, – кивнул Лука. – А отсель и все беды случаюца.

– Не помню, как домой шёл, – продолжил Иван, не замечая, что опять свернул на дорожку к памятнику с выбитой датой. – Вдруг услышал голос – такой громкий, что уши заложило. Он говорил так сурово: «За грехи уготовано тебе место в аду». Ну, мне спьяну и привиделось, что Господь судил меня и к дьяволу отправлял, в преисподнюю. Испугался я сильно. Упал на колени и так усердно молился, аж слёзы из глаз. А голос ничего больше не говорил, лишь траурная музыка играла. Я решил – по мне. Загубил, дурень, свою душу. Тут вспыхнул свет, люди пошли, и я прозрел. Оказалось, на коленях в канаве у летнего кинотеатра поклоны отбивал. Рядом пацаны стояли и со смеху давились. А утром дома в зеркале себя не узнал – белым стал.

– Ну, и каково на небе—то? – спросил Лука, ухахатываясь в бороду.

– Не до смеха было, – вздохнул Иван. – С тех пор не пью. Лишь запах спиртного учую, трясти начинает.

– Гляди, шо там? – прошипел Лука.

Иван повернулся и обмер. А рука стала творить крестные знамения. Привидение.

Планета встретила гостью ветерком. Но Тарлу не заботили местные условия. И в пургу, и в дождь внутри поля сохранялся приятный микроклимат. Плащ не защищал лишь от повышенного уровня гравитации. Тарла сразу ощутила тяжесть собственного тела. Но с этим можно смириться. Есть иные жизненные проявления, с какими душе не просто совладать. А порой и невозможно.

Миров, где возможна белковая жизнь, в Галактике не много. А потому каждый из них особо ценен. В случае обнаружения планеты с богатыми природными ресурсами и кислородной атмосферой, в соответствии с законами Межзвёздного содружества, туда направлялись послы. Там, как правило, уже проживали местные жители, и представители высокоразвитых цивилизаций стремились заключать с ними союзы. Но не всегда аборигены шли на такие контакты. Ведь к сотрудничеству расположены культуры, схожие в развитии. А когда уровень сильно отличается, коммуникация просто неосуществима.

Грым, первенец Тарлы, был назначен послом на одну из планет, цивилизация которой находилась на доиндустриальном уровне развития. Но там имелись хорошие предпосылки для роста. В скором времени аборигены могли подняться до состояния, когда законы Межзвёздного содружества позволили бы им вступить в равноправный контакт с другими инопланетными расами.

Работа посла—цивилизатора развивающегося мира вдохновляла Грыма настолько, что он не послушал мать и других родственников, отговаривавших от участия в опасной миссии. Его завораживала сама идея помощи целой планете, благодаря которой миллиарды разумных существ могли подняться на новый уровень жизни и обрести достойное место в межзвёздном сообществе.

Грым с энтузиазмом принялся за работу, и его планы успешно претворялись в жизнь. Но однажды оказался не в том месте и не в то время. Шла война, и кровожадные аборигены убили попавшего под руку чужака. Позже коллеги разыскали тело посла, но, не имея возможности на тот момент вывезти его на родную планету, похоронили по местным обычаям.

Конечно, теперь прах сына можно перевезти ближе к дому. Но Тарла решила оставить всё, как есть. Возможно, потому, что ей самой нужны эти длительные рейсы, когда одолевала невыносимая скука, а в голову приходили бредовые идеи, при реализации дававшие потрясающие результаты, и позволявшие сохранять престиж, а родне на Исирионе – увеличивать политическое влияние. Не лететь же по космосу лишь бы куда.

Тарла остановилась у могилы сына. Вот цель её долгого путешествия через десятки парсек и звёздный портал. Когда—то Грым ворочался в животике и стучал ножкой. А теперь он там, под землёй. Как нелепо и печально.

Коллеги сына установили над могилой памятник, а рядом – лавочку и оградку. Спасибо им. Удобно вот так сидеть и предаваться мыслям, когда оживают милые воспоминания о былых днях с Грымом.

Тарла почувствовала, как слеза покатилась по щеке. Сейчас можно. Она позволила эмоциям вырваться наружу. Здесь никто не увидит, и не узнает, что и у неё есть сердце. И оно также страдает. Дома, когда пришла ужасная весть о гибели сына, она не позволила себе даже изменить выражение лица. Таковы правила. Личность должна стойко переносить любые невзгоды – и тогда её будут уважать. И лишь здесь, у могилы Грыма, избавившись от чужих глаз и постоянного контроля бдительных следящих устройств, Тарла дала волю слезам.

Когда первый испуг прошёл, Иван и Лука огляделись. Призрак на месте, лишь присел на лавочку. И если бы не светился голубым, то и вовсе походил бы на простого человека. Правда, роста немалого – чуть выше памятника. А ведь Иван, стоя, макушкой едва до надписи доставал.

– Чё, сдрейфил? – подковырнул Лука.

– А ты нет?! – огрызнулся Иван.

– Есть малёха, – выдохнул старик, пристально глядя на товарища, отчего тому стало не по себе. У Луки злой глаз, а язык – острый, как бритва. Начнёт выговаривать – и мёртвого из гроба поднимет.

– Идём, посмотрим, что она делает, – предложил Иван, чтобы товарищ не считал его трусом. А в глубине души надеялся, что тот откажется. Но Лука, видимо, понял игру и решил подкусить.

– Идём, – твёрдым голосом произнёс старик. – Ты справа, а я слева. Может, поймаем.

– А ловить—то зачем? – удивился Иван.

– Да к попу сведём. И буде потеха! Он меня алкашом обзывал. Гляну я, чё запоёт, как сам призрака увидит.

Иван струхнул не на шутку. Не думал, что Лука так загнёт. Одно в голове не укладывалось – как ловить—то? Призрак же не живой. Но если старик решил, его не остановить. Вот пусть и думает, как вязать нечистого.

Тучи заполонили небо, и луна со звёздами ушли на покой. Тьма – будто кто глаза завязал. Вдали залаяли собаки. Ветер окреп, и раскачиваемые деревья издавали звуки, похожие на стоны несчастных душ. От них по спине пробежала дрожь.

Вновь Иван чувствовал себя, как и тогда, в пьяном бреду, у врат ада. Но что—то его толкало вперёд, словно у него к призраку было дело.

Он перешагнул оградку сзади памятника и притаился. А у самого голова кругом – то ли от волнения, то ли от страха. Под ногой хрустнуло, и он схватился за сердце.

Лука каркнул вороной. Пора. Иван глубоко вдохнул и, набравшись храбрости у свежего ветра, выскочил из—за памятника. И оказался перед огромным призраком. Как и говорил Лука, это величественная красивая женщина. Черты лица в голубом ореоле казались выточенными из мрамора.

Божественно неземная и далёкая, красавица подняла на него взгляд. У неё по щекам текли слёзы. А наполнявшая её печаль была такой глубокой и естественной, что у Ивана невольно зарыдала душа. И он осознал: женщина пришла сюда излить свою боль.

– Держи её! – заорал Лука и кинулся к призраку.

Но тут стало происходить нечто странное. Иван хорошо видел, как старик выскочил из—за куста и бросился к призраку. Вот, ещё пара шагов – и схватит за руку. Но, едва приблизившись к голубой ауре, Лука застыл. А потом случилось и вовсе удивительное: старик стал прозрачным. Контур его тела прорисовывался расплывчато, а фигура потеряла плотность, и сквозь неё теперь просматривались кусты и далёкие фонари.

«Как же так? Что происходит?»оторопел Иван – .

Последнее, что он запомнил – глупая улыбка на лице Луки. Она исчезла последней.

Тарла с негодованием взирала на дикаря. Такие же, как он, движимые звериными инстинктами, когда—то убили её Грыма. В душе разгорелись ярость и неуёмная жажда мести. Удар энергетического поля – и от аборигена останется лишь горстка пепла. А ей это ничего не будет стоить. Но душа завопила: СТОП!

Тарла неожиданно увидела перед собой Грыма. Его лицо, глаза, подбородок. Сын восхищённо и как—то испуганно смотрел на неё. Мистика какая—то.

«Так не бывает!»Тарла закрыла глаза. Она умела сдерживать эмоции. На Исирионе этому очень хорошо обучают. А когда вновь открыла, то увидела перед собой всё того же аборигена. Это он так восторженно смотрел на неё. «Но почему дикарь так похож на Грыма?»

Тарла ощутила, как в глубине души взяли аккорд годами дремавшие струны. Взглянув на неё, абориген не мог скрыть эмоции. Его глаза выражали неподдельное восхищение. На Исирионе, где проявление чувств считалось постыдным, а люди, словно роботы, надевали на лица маски безразличия, такой взгляд просто невозможен. Дома её воспринимали машиной, даю-

щей прибыль. А абориген, даже не подозревая о том, сделал для неё больше, чем родня за полжизни. Этот дикарь, этот мужчина, увидел в ней женщину, достойную восхищения, а возможно, и так не доставшей ей любви. Вспышка гнева улеглась так же быстро, как и появилась. Тарла бросила последний взгляд на памятник сына и активировала транспортатор.

Иван открыл глаза и с удивлением обнаружил себя у печи в сторожке. На лавке в пьяном сне храпел напарник. За окном светало. Мир и покой царили в грязной тёплой комнатушке.

Как вернулся сюда, Иван не помнил. В его памяти осталась лишь женщина необыкновенной красоты. Её образ, наполненный тоской и окружённый таинственным голубым ореолом, как живой стоял перед глазами. А в следующий миг красавица исчезла.

Некий порыв души позвал его, и Иван заспешил на улицу.

Снаружи буйствовала осень. Разгулявшийся ветер прибил к земле пожухлую траву. Беременные дождевые тучи затянули небо, грозя разродиться ливнем. Но он не замечал ненастья, а ноги сами несли куда—то.

Неожиданно для себя Иван остановился подле огороженного чугунной оградкой памятника с выбитыми цифрами. Кровь бурлила от волнения. Какая тайна сокрыта под этим камнем, так и осталось загадкой. Но образ неземной красавицы сохранился в сердце, заржавевшем без любви, и пробудил в душе нечто возвышенное.

Образ прекрасной незнакомки истаивал. Опасаясь навсегда потерять волшебные черты, Иван достал из кармана тупой карандаш и исписанную ведомость, и прямо на чёрных строчках рука стремительно набросала портрет красавицы. И вот она, как живая, смотрела на него из загадочной дымки, опять задевая в глубине души такие струны, о коих он и не подозревал.

«Сделать бы в цвете, – пронеслось в мыслях. – Но как? Ведь никогда раньше не рисовал. Да разве это препятствие, когда внутри всё поёт о любви?».

Блуждающий взгляд Ивана остановился на соседней могилке. «А это что?» Он подошёл ближе и от удивления открыл рот. На него с портрета надгробного памятника, улыбаясь, смотрел Лука.

Тарла ввела на пульте координаты обратного маршрута. Пора домой. Ночная встреча у могилы сына пробудила в её душе нечто особенное, сокровенное. И теперь она готова вновь окунуться в напряжённую атмосферу своего мира. И, возможно, опять найти любовь.

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

Непобедимое оружие

Безумное, само с собой в раздоре,
Оно владеет, иль владеют им.
В надежде – радость, в испытанье – горе,
А в прошлом – сон, растаявший как дым.
Всё это так. Но избежит ли грешный
Небесных врат, ведущих в ад кромешный?

129-й сонет
Уильяма Шекспира

Великий Ашарат! Могучий Ашарат! Непобедимый Ашарат! Шум битвы у него в крови, лязг оружия – самая приятная музыка, предсмертные крики поверженных врагов – блаженство, а количеству выигранных сражений он давно потерял счёт.

Кто—то о нём слагал легенды, кто—то шёпотом проклинал. Всяко бывало. Но все единодушно сходились в одном: Ашарат – великий полководец. Его доблестные воины не знали поражения в битвах. Его неуёмная жестокость порой страшнее ужасных картин ада. А имя в устах многих созвучно с именем самого дьявола.

Такая слава лучше пламени согревала зачерствевшую в боях душу Ашарата. Тем более, сегодня. Ведь ныне великий день – войска непобедимого завоевателя разгромили очередную армию. А значит, покорилась ещё одна держава, и полководец вправе торжествовать.

Но амбиции великого мужа росли. Божественный Ашарат маниакально жаждал всё больше власти, почестей и богатства. Могущественный Ашарат мечтал, чтобы при звуке его имени у людей от ужаса подгибались колени. Непобедимый Ашарат стремился к наивысочайшей цели: превзойти всех завоевателей прошлого, настоящего и будущего и покорить весь мир. А в грёзах лелеял достичь такой вершины, чтобы писаки и грамотеи, на тленные бумажки заносившие исторические события, имя великого полководца Халина, покорившего едва ли не полмира, даже в сравнение не ставили рядом с его именем.

Честолюбивые помыслы с утра до вечера поглощали ум Ашарата. Но он не был глупым мечтателем, жаждавшим недостижимого. Талантливый полководец сам творил историю цивилизации, и никто не мог ему противостоять. Демонической натурой он подавлял, уничтожал и убирал с пути всех, кто осмеливался не подчиниться его воле. И так будет и впредь.

Но почему—то с каждой новой победой сама её ценность для Ашарата становилась менее значимой. Может, потому, что побеждать вошло в привычку? Ведь ещё никто не смог противостоять его гению. Но Ашарат стоически отметал подобные мысли, считая их недостойными. А ещё избегал задаваться такими глупыми вопросами, что терзали более мудрых (а по его мнению – безумных) людей: Для чего?

Впрочем, полководец хорошо знал, где остановится – в тот день, когда станет правителем мира. А зачем – не знал, пожалуй, и сам. Хотя…

Порой на него накатывал беспричинный ужас. В такие чёрные дни Ашарат гнал всех прочь и, глуша вином необъяснимый страх, выискивал отдохновение в пьяном забвении. А когда невыносимый кошмар загонял душу в дальний угол, и отступать становилось некуда, он начинал защищаться. Ашарат восставал против самой Вселенной. И снова шёл завоёвывать, любой ценой стремясь подмять под себя всех, дабы никто не смел ему угрожать.

В неверном мигании факелов опьяневший Ашарат пялился на карту, где кровавым цветом отмечал покорённые государства. Сегодня красного стало больше. Созерцая завоёванные пространства, великий радовался. Но был там и другой цвет – белый. То земли, которые полководец лишь мечтал завоевать, и коих, к сожалению, намного больше, чем тех, где он уже

прошёл огнём и мечом. Сравнив территории, Ашарат даже зарычал. Ведь ещё столько народов осталось не покорено. А значит, угрожали ему.

Ярость заполонила душу, но полководец сдержался. Ведь ныне великий день. Негоже омрачать праздник и тем гневить великих богов. А то ещё госпожа Удача отвернётся от него. Чем бы развеять скуку? И тут вспомнил.

– Эй, пёс! – кликнул Ашарат.

– Я здесь, – упал в ноги перепуганный юноша. Гнева полководца боялись пуще смерти.

Владыка мрачно глянул на слугу.

– Убери карту, – Ашарат пьяно икнул и откинулся на спинку роскошного дивана. – Налей вина и приведи того старика, что давеча подобрали разведчики.

– Будь сделано, – облегчённо выдохнул парень и бросился исполнять. Кажется, пронесло. На сей раз оставили в живых и даже не избили, как бывало частенько.

Вскоре полог шатра откинулся. Два здоровенных бойца из личной охраны главнокомандующего внесли скрюченного оборванца и тут же удалились.

Когда воцарилась тишина, Ашарат открыл мутные глаза и испытующе уставился на гостя. Закованный в кандалы, в серых поношенных штанах и грязной бело—голубой сорочке, тот нерешительно переминался с ноги на ногу. Лицо старика заросло густой щетиной, так что истинных черт не разглядеть. Но держался прямо, и даже некое величие исходило от него.

– А ты гордый, – произнёс Ашарат.

– Каков есть, весь перед тобой, – отозвался гость, и даже тени страха не проскользнуло в душонке босяка.

– Как тебя звать, старик? – спросил Ашарат тоном, коим господа, желая проявить расположение, говорили с чернью.

– Зачем великому утруждать себя запоминанием моего никчёмного имени? Старик, и всё.

– Ишь ты, герой, – рассмеялся Ашарат.

Чем—то симпатичен ему этот грязный, повидавший жизнь босяк. Может, тем, что от страха не ползал у ног и подхалимски не заглядывал в глаза. Находясь на вершине, хочется иногда побеседовать с тем, кто мог вот так открыто смотреть тебе в лицо. Раболепство ведь тоже приедается.

– Эй, пёс! – снова кликнул хозяин.

– Я здесь, великий. – Юноша словно и не покидал места у входа.

– Усади гостя, – велел Ашарат. – Сними кандалы да накорми.

Пока слуга торопливо исполнял распоряжения, владыка, развалившись на ложе, наблюдал за стариком: как тот двигался, сидел, ел. И приметил в жалком оборванце нечто, не вязавшееся с убогой внешностью. В каждом скупом жесте, позе, речах чувствовались внутреннее достоинство и даже гордость. Ашарат понял: перед ним не раб, привыкший безропотно гнуть спину на хозяина а скорее господин. Но понуро опущенные плечи, затравленный взгляд, изборождённое морщинами и постоянным унынием чело говорили о страданиях. И личность старика заинтриговала Ашарата.

В одну руку взяв пустой кубок, а в другую – кувшин с вином, хозяин шатра подошёл к старику.

– Пей моего вина, – радушно предложил владыка, собственноручно наполнив пустой кубок.

– Благодарю, великий, – склонив голову, с достоинством произнёс гость. А затем, изысканным жестом пригубив, воздал должное вину: – Благородный напиток.

Одним глотком опустошив свой бокал, словно пил обыкновенную воду, пошатываясь, Ашарат вернулся на ложе.

– Не хочешь говорить имя, я не в обиде, – сказал владыка, откинувшись на спинку. – Твоё дело. Но хотя бы в благодарность за моё вино, расскажи ту легенду о непобедимом мече Халина, что давеча толковал солдатне.

– Если б то была легенда, – печально выдохнул старик.

– Не слышу! – воскликнул Ашарат. – Громче.

– Хорошо, – кивнул гость. Старик уже понял, зачем он тут и, собравшись с духом, произнёс: – Великий, я расскажу быль. А ты уж сам решай: правда то или нет.

Старик задумался на минуту и, погодя, будто смирившись с неизбежным, повёл рассказ:

– Недалече отсюда, в дне езды, начинается хребет Демонов. Великий, может, слышал о нём и о той славе, что имеет сей край.

– Доводилось, – буркнул Ашарат.

– Горы те, – продолжил рассказчик, – так назвали, возможно, потому, что у них крутые и бесплодные склоны чёрного цвета. А ещё испокон веков там обитала тёмная сила.

– Кончай трепаться о горах, – рявкнул Ашарат. – Ты про меч говори.

– Хорошо, великий, – кивнул гость. – Когда Халин проходил здесь с войском, то посетил пещеру, что на Адской горе. Сыскать дорогу к ней не трудно, но не всякий рискнёт войти в логово тёмной силы. А там испокон веков хранится старинный меч, коим владел и Халин. То удивительное оружие. Такой необычной и тонкой работы не найти. Кто изготовил и когда, незнамо. Но в мече есть великая сила. Противостоять его хозяину не может никто.

– Хм, – недоверчиво протянул Ашарат.

– О том знает любой, здесь живущий, – заверил старик. – Кого хошь спроси. И имя есть у меча – Ашила.

– У клинка бабье имя? – недоверчиво скривился полководец.

– Да, великий, – кивнул босяк. По—старчески пожевал губу, тяжело вздохнул и продолжил: – Заполучив Ашилу, Халин стал воистину непобедим. Десять лет провёл великий полководец в походах и завоеваниях, и покорил большую часть известного мира. Вот такая быль.

– Но ты не всё рассказал, старик, – возразил Ашарат. – Ты про меч говори.

– Не всё, – угрюмо согласился оборванец. Затем немытой рукой поскрёб густую бороду, почесал за ухом и, когда у владыки терпение стало иссякать, неторопливо заговорил: – Быль гласит: по прошествии десяти лет походов Халин вернулся на Демонов хребет и оставил Ашилу в пещере на Адской горе. С тех пор великого полководца никто не видел. А войско, лишённое вождя, расселилось на завоёванных землях. Когда будешь, владыка, проходить по восточным странам, помни, что сражаешься с потомками непобедимых воинов Халина.

– С чего ты взял, что я поведу туда войско? – подозрительно спросил Ашарат. О планах на будущее великий ещё ни с кем не говорил.

А старик лишь пожал плечами.

– Когда—то в тех краях бился полководец Баен. После него прошёл с армией завоеватель Кидил. История помнит славившегося громкими победами императора Мидата. Ещё, конечно, непревзойдённый Халин. А вот и непобедимый Ашарат идёт тем же путём.

– Да что ты понимаешь в полководцах и войнах, босяк?! – разгневался хозяин. Простая мудрость старика разбередила ему душу. Да как посмел убогий оборванец поминать его имя рядом с Баеном, Кидилом либо Мидатом, завоевавшими всего по несколько стран? Великий Ашарат уже покорил больше десятка государств. Конечно, империя Халина была самой огромной. Тут не поспоришь. Но непобедимый Ашарат создаст ещё больше. И станет величайшим завоевателем в мире.

– Такого войска не было ни у Баена, ни даже у Халина, – рассуждал Ашарат, не заметив, что говорил вслух. – У меня есть новое оружие. Мои боевые колесницы легки и быстры, как никогда. А ещё метательные машины, порох, тараны. Подобного не было ни в одном войске прежде, и мне никто не сможет противостоять. Слышишь, старик? Никто!

– Никто, – кивнул гость.

– Пшёл прочь! – рявкнул Ашарат. – Эй, пёс, гони этого умника в шею.

По первому же зову, словно бестелесный дух, юноша материализовался в шатре, схватил за плечи старика и мгновенно исчез.

А владыка ещё долго метался без сна. Ашарат считал себя наивеличайшим полководцем, думал, многого достиг. А какой—то оборванец ставит его вровень с Баеном. «Завтра отрублю ему голову, – решил владыка. – И докажу миру вместе со всеми стариками, что я самый могущественный и непобедимый полководец».

Допив кувшин вина, Ашарат упал на пол и захрапел в пьяном сне.

Весь следующий день владыка был не в духе. Старика не казнил. Но постоянно мыслями возвращался ко вчерашней беседе. Зацепил его босяк. А рассказ о волшебном мече затронул в душе некие струны, что звучали и звучали, не переставая и не умолкая.

Как всегда, после успешной компании Ашарат дал армии время для грабежа. Ведь ради того бойцы и отдавали жизни на поле брани. А сам заточился в шатре с огромным кувшином вина. Не любил владыка шумных празднеств и застолий. В такие дни между битвами полководец обычно уединялся и строил планы. Но не сегодня.

Когда вечером слуга появился в шатре зажечь факелы, Ашарат окинул того мрачным взглядом.

– Слышь, пёс. Веди старика, – пробурчал владыка.

– Будь сделано, – выдохнул юноша, сразу уяснив, о ком речь. Дураков великий не любил и убивал на месте.

И вот вчерашний гость остановился у входа. Ни страха, ни заискивания в глазах. Вежливо поздоровавшись, старик молча ожидал слова владыки.

Ашарат окинул гостя изучающим взглядом.

– Ты мне вот чё скажи, – произнёс хозяин шатра. – Тот меч, о коем ты говорил вчера, ещё на Адской горе?

– Да, – выдохнул босяк и потупил взор.

– Его стерегут?

– Да. У Ашилы есть хранительница.

– Кто? Баба? – удивился владыка.

Старик кивнул.

– И что, любой может взять меч?

– Тот, кто не боится, – едва слышно ответил старик. – А также тот, кому позволит хранительница.

Ашарат долго размышлял. Судя по выражению его лица, разве тупой не догадался бы, что владыка желал принять важное решение. Но внутри словно что—то противилось, а рассудок хотел настоять. Он выпил почти кувшин вина, прежде чем вновь открыл рот.

– Старик, ты можешь отвести меня туда? – спросил Ашарат.

– Могу, – прошептал босяк, и плечи, казалось, поникли ещё больше.

– Тогда утром отправляемся.

Рассвет застал Ашарата, переодевшимся воином, и старика в пути. Их никто не сопровождал, дабы не привлекать внимания. Полководец сам хорошо владел оружием и не боялся ни засады, ни открытого боя даже в стане противника. Частенько Ашарат инкогнито выезжал за пределы лагеря и устраивал испытания своим бойцам. И ещё никто не смог одолеть легендарного военачальника.

По—весеннему распогодилось. Но ещё свежо после зимних холодов, и дорога казалась приятной. Да и кони, радуясь прогулке, бежали резво. А у Ашарата скакуны породистые – выносливые и быстрые.

В полдень всадники спешились размять ноги. Полководец не хотел надолго оставлять войско и, перекусив, вновь отправился в путь.

Вскоре на горизонте они увидели хребет Демонов, чёрной полосой протянувшийся с севера на юг. А в стороне от гряды, вершиной уткнувшись в небеса, стояла одинокая Адская гора. И одним своим видом даже издали вселяла страх.

Ашарат был мрачен и молчалив. Отчасти сказывались последствия двухдневной пьянки. А ещё полководец считал ниже своего достоинства снисходить до общения с оборванцем, которому всё равно отрубит голову. Так зачем обременять себя чужими проблемами? Из богатого опыта ему известно: меньше знаешь человека – легче его убить.

Да и старик не набивался в собеседники. Может, вёл тяжёлую борьбу с совестью, обременённой тёмным прошлым? Да и не мог не догадаться, какую участь ему уготовил будущий покоритель мира.

Смеркалось, когда всадники подъехали к Адской горе, вполне соответствовавшей мрачному названию. Отвесные склоны, будто стены храма, посвящённого самому повелителю хаоса, безжизненны и неприступны. Ветер завывал в проходах между пиками, отчего мороз пробегал по коже. А у подножия зловещим оком темнел зёв пещеры, чьё холодное дыхание леденило саму душу.

Проводник спешился и Ашарат последовал его примеру. Скрывшееся за хребтом солнце забрало и тепло. Размявшись, мужчины натянули тёплые вещи и зажгли факелы.

Полководец держался настороже и с опаской поглядывал на молчаливого спутника. У подножия Адской горы, казалось, всё пропитано злом, и рука невольно тянулась к оружию. Меч, привычно ёрзавший по ноге, был готов в любое мгновение выскользнуть из ножен и впиться в живую плоть. Но пока ничего не угрожало. Лишь в глубине души что—то постоянно нашёптывало о затаившейся угрозе.

Стреножив и прикормив овсом жеребцов, мужчины привязали их к чахлому кустарнику, росшему недалеко от пещеры. А сами укрылись в её ледяном зёве.

Пройдя с десяток шагов, старик остановился и сказал:

– Тут заночуем.

– Ты сдурел?! – гневно бросил владыка. – В Адской пещере?!

На что проводник безразлично произнёс:

– Хочешь, иди сейчас. Но в темноте ничего не найдешь. Лишь при свете солнца можно получить меч.

Ашарат нервно сплюнул. Полководец не привык, чтобы ему перечили. Но, видать, проводник знал, о чём говорил. Меч—то особый, волшебный. Может, ещё придётся и испытание пройти. Неспроста же старик упоминал о хранительнице. Поразмыслив, владыка смирился.

Перекусив холодным мясом и запив его вином, усталые путники устроились на ночлег у входа в пещеру. Адская гора – не из числа приятных мест, где чувствуешь себя комфортно. А привычный вид звёзд успокаивал. По крайней мере, Ашарата.

Умостившись у стены, полководец спросил:

– Старик, откуда ты знаешь про меч? Сам, небось, хотел взять? Признавайся.

– Знаю, – выдохнул оборванец.

И умудрённый жизнью военачальник понял: тот больше ничего не скажет. Была у старика внутренняя сила, да такая, что полководец рядом с ним чувствовал себя неуверенно, как в присутствии отца, либо наставника.

– Скажи мне, старик, – произнёс Ашарат, допив вино, – что ещё ты знаешь о мече?

– Я почти уж всё и рассказал, – ответил проводник. Но, подумав, добавил: – Тебе надо знать вот ещё что: у Ашилы лишь один господин. Любой другой, кто возьмёт меч, умрёт мучительной смертью.

Потом старик тяжело вздохнул и замолчал. Вскоре Ашарат услышал, как тот захрапел. Сам же владыка долго не мог уснуть – одолевали тяжёлые думы.

Ашарат не знал, правильно ли поступил, доверившись оборванцу. Мысли тревожно метались, не находя, за что зацепиться. То Ашарат представлял себя великим, могучим и непобедимым полководцем с Ашилой в руке, завоевавшим весь мир от Западного океана до Восточного. То переживал, что старик заманил в ловушку и убьёт, лишь он сомкнёт глаза.

Затем мысли перекинулись на меч. Ашарат и раньше слышал, что у Халина имелся особый клинок, с которым тот не расставался. Но тайну оружия военачальник не раскрыл никому, и легенда постоянно обрастала домыслами.

Незаметно сморил сон. Но Ашарат лежал в неудобной позе и часто просыпался. После одного из пробуждений ему показалось, что кто—то плачет. Сперва он решил – почудилось спросонья. Адская гора угнетающе действовала на душу. Но всхлипывания не прекращались. Тогда Ашарат подполз к старику и с удивлением понял, что тот рыдает во сне. А его невнятно бормотавшие губы просят у кого—то прощения.

Ашарат покачал головой. Видать, хлебнул, старый, горя на веку, раз так мучился. «Но это не моё дело – заглядывать в душу какому—то босяку»– решил полководец и вернулся на место.

Ашарат проснулся с первыми лучами солнца, закоченев от холода. Эта ночь оказалась не из самых приятных в его жизни. Сон не освежил, и теперь голова буквально раскалывалась.

Хотя полководец встал рано, старик был уже на ногах, и выглядел отдохнувшим. Но в его душе ночью произошёл какой—то надлом, изменивший черты лица. Проводник затравленно смотрел на военачальника из—под своих нечёсаных волос, словно забившийся в угол зверёк. Владыке казалось, что ноги старого вот—вот подломятся и он упадёт.

Ашарат встал, размялся, позавтракал сушёным мясом и запил его вином. Но сколько ни закутывался в одеяла, никак не мог согреться, и даже вино не помогло. Холод адской пещеры, казалось, выморозил все косточки и саму душу.

Но задуманное требовалось довести до конца. Покончив с утренними делами, Ашарат спросил старика:

– Пойдём?

Тот испуганно взглянул на полководца и покачал головой.

– Когда солнце встанет над самой вершиной, – произнёс он, будто проглотил раскалённые угли. И это были единственные его слова за те пол дня, что они находились возле Адской горы.

Ашарат не спорил. Немного согревшись и уняв голод, полководец решил отдохнуть. За последние несколько лет не часто в его жизни случались такие отлучения от войска.

Ашарат вышел из пещеры и будто камень свалился с его души. Весеннее солнце пригревало всё сильнее, и в воздухе пахло пробуждающейся жизнью. Где—то невдалеке пел ручеёк, наполняя окрестности своим несмолкаемым говором. А мир казался приятным и безопасным.

Почувствовав себя лучше и расслабившись, Ашарат покормил лошадей. А потом бродил по округе, пока в полдень старик не окликнул его:

– Пора. Солнце прямо над Адской горой.

Ашарат вновь шёл за проводником. При свете факелов мужчины немного углубились в пещеру, пока вокруг не воцарилась полная тьма. На одном из перекрёстков старик повернул направо. Сюда не проникали солнечные лучи, и потому здесь царил зимний холод. Изо рта вырывался пар, а щёки пощипывало от мороза.

Пройдя немного после поворота, старик остановился и передал спутнику факел. А затем принялся по стене карабкаться наверх.

Ашарат больше ничему не удивлялся и молча следовал за проводником. В какой—то момент он полностью доверился старику и больше не насиловал свой разум подозрениями. У босяка ночью была хорошая возможность перерезать горло полководцу. Так чего же теперь бояться?

Когда старик исчез, Ашарат положил факелы на землю и тоже полез наверх. А потом они долго поднимались по каменной то ли тропе, то ли лестнице, вырубленной прямо в отвесной стене.

Ашарат карабкался в полной тьме, на ощупь угадывая, куда поставить ногу и где зацепиться рукой. Лишь шорох впереди поднимавшегося старика подсказывал, что он на верном пути. Но вскоре сверху просочился свет, и стало легче. Теперь Ашарат понял: ночью с факелами он ни за что не поднялся бы здесь. Цепляться приходилось буквально всеми частями тела. Несколько раз он едва не сорвался. Лишь чудом удалось остаться на тропе. А проводник, как бестелесный призрак, молча поднимался, словно восхождение и не составляло ему труда.

Пещера, в которую попали спутники, оказалась не очень большой, но светлой. Солнце проникало сквозь дыру в разорванном своде и ненадолго освещало полость, сокрытую в горе.

Отдышавшись после тяжёлого подъёма, Ашарат осмотрелся. Здесь витал дух смерти. На полу в разных позах лежало множество истлевших человеческих останков. Некоторые тела были обезглавлены, другие сохранились полностью. Но на них невозможно было смотреть без содрогания, поскольку выкручены так, словно человек в момент смерти испытывал жестокие муки. Видать, сюда приходило много желающих завладеть могучим оружием. Но не каждому хранительница меча оказывала почтение.

Сердце Ашарата радостно забилось. Не обманул старик. В солнечных лучах, прямо по центру пещеры, вставленный лезвием в выщербленный камень, блеснул великолепный меч. Клинок был необычной, удивительной работы, какой Ашарату ни разу не доводилось видеть. А ведь он считал себя знатоком холодного оружия.

С первого же взгляда стало ясно: это не подделка. Исходившая от меча волшебная сила будто магнитом притягивала к себе. На конце гарды в солнечных лучах сверкал кровавый рубин величиной с кулак. Такого огромного владыка ещё не видел. А сама рукоять выполнена в форме обнажённой женской фигурки, стоявшей на яблоке. Её руки разведены в стороны и немного приподняты, чтобы вражеский клинок не соскользнул вниз и не поранил кисть хозяина. В каждой руке девушка так же держала по драгоценному камню. Они настолько ярко сверкали в лучах солнца, что на них больно смотреть.

– А, великий полководец Халин пожаловал, – неожиданно раздался смешливый девичий голосок. – Давненько я не видела тебя.

Ашарат вздрогнул и осмотрелся. Чуть левее меча стояла очаровательная девушка. Лёгкая прозрачная накидка прикрывала соблазнительные выпуклости прелестной незнакомки. Чёрные, как смоль, длинные волосы бурно развевались, словно на неё обрушился ураган. Красавица улыбалась, а её тёмные глаза искорками вспыхивали в солнечных лучах. Своим очарованием девушка ввела бы в искушение любого мужчину. Таких Ашарат ещё не видел.

До него доходили слухи, что меч Халина сделан в глубокой древности. Вероятно, и его хранительница (полководец не сомневался, что это она) – последняя из вымершей расы, умевшей изготавливать волшебные предметы. О них до сих пор детям рассказывали сказки.

– О, Ашила, – прошептал старик и рухнул на колени.

– Халин? – удивлённо пробормотал Ашарат и недоверчиво взглянул на проводника. – Так ты и есть Халин?

– Да, – выдохнул тот, будто проглотил горячие угли.

– А ты кто? – вновь раздался игривый девичий голосок. – Ты пришёл за мной, великий воин?

Полководец сплюнул.

– Зачем мне ведьма? – ответил он презрительно. Ашарат мало интересовался женщинами. У него иная страсть. – Мне нужна Ашила.

– Ведьма?! – переспросила девушка, и её задорный смех разнёсся под сводами пещеры.

Игриво двигая бёдрами, красотка сделала несколько шагов вперёд.

– А я и есть Ашила, – прошипела девушка. – А ты кто?

– Я – Ашарат!

– Великий полководец Ашарат хочет получить Ашилу, – засмеялась хранительница. – А достоин ли ты владеть мною?

Она откровенно насмехалась, и Ашарат вскипел.

– Сгинь, ведьма. Я пришёл за мечом, и он будет моим! Никто не сможет мне помешать, даже такая уродина, как ты.

– Разве я уродина? – пролепетала девушка и вновь засмеялась.

Ашарата пробрал гнев, и его рука выхватила из ножен меч.

– Я не потерплю… – наступая на красотку, рыкнул полководец.

– Не забывай, воин, что этот меч нужно заслужить, – отсмеявшись, произнесла Ашила. – Докажи, что ты достоин быть моим хозяином.

Ашарат обжёг взглядом несносную кокетку. Он не привык, чтобы женщины, которых считал нижайшими созданиями, так глумились над ним.

– Всё, с меня хватит! – рявкнул Ашарат. – Всему есть предел. Прочь с дороги, стерва!

Но девушка стояла на пути и не собиралась отступать. Ашарат угрожающе поднял меч для удара, и выражение его разъярённого лица не сулило ничего хорошего.

А красотка по—прежнему игриво улыбалась. Ни тени страха не промелькнуло на её прелестном личике. Но всё же что—то в нём изменилось. Высокомерная надменность растаяла, а на её месте проступила обворожительная страсть. «Возьми меня» – просили её бесстыжие глаза. Ашарат ощутил, как голова пошла кругом от внезапно нахлынувших эмоций. «Да что же эта ведьма вытворяет?!»

Полководец на мгновение сомкнул веки, чтобы избавиться от наваждения. А когда снова открыл, девушка по—прежнему стояла в шаге от него на расстоянии удара занесённого меча. Она томно смотрела в глаза разгневанному мужчине и даже не пыталась защититься. А потом неторопливо приспустила свою накидку, обнажив совершенной формы нежную грудь.

– Неужели ты хочешь это убить из—за куска презренного металла? – вкрадчиво спросила она.

– Ах ты, сука! – зарычал Ашарат и рубанул клинком. Но меч прошёл в пустоту. Утратив равновесие, полководец едва не упал.

А звонкий девичий смех громко перекатывался под сводами пещеры. Ашарат удивлённо осмотрелся. Девушка опять стояла чуть левее меча, где он впервые увидел её.

– А ты настоящий мужчина, – игриво сказала она. – Да, я вижу, ты достоин Ашилы. Ну, и как, я тебе всё ещё не нравлюсь? – подмигнула она. – Ты по—прежнему считаешь меня ведьмой?

Переступая через валявшиеся на полу скелеты, Ашарат молча направился к мечу. Он не понимал, что тут происходит, но горел желанием заполучить меч. И не собирался отступать.

– Халин, ты разве не сказал, что у Ашилы может быть только один хозяин? – громким шёпотом спросила девушка, когда полководец намеревался взяться за меч.

Ашарат застыл с протянутой рукой. А ведь забыл. Страх неприятным ручейком протёк по позвоночнику, и мысли заметались в поисках решения.

«Если этот старик – настоящий Халин, то меч принадлежит ему, – размышлял Ашарат. – Но правило гласит: лишь после смерти прежнего хозяина оружие может достаться другому. Да разве это препятствие для опытного воина?». Единственно верное решение пришло само и не встретило никакого внутреннего сопротивления.

В два прыжка владыка оказался возле старика. Тот сидел, закрыв глаза и опустив голову. Халин уже приготовился к смерти. Что ж, тем лучше. Всё равно Ашарат намеревался его убить. Взмах меча – и обезглавленный труп Халина безмолвно пал на землю.

Весёлый девичий смех взорвал пещеру.

– Ашарат – я твоя, – радостно пропела она. – Теперь иди, возьми свою Ашилу.

Владыка посмотрел на девушку как на безумную. Он пытался её убить, обезглавил Халина – а она веселилась, будто тут выступали клоуны. Ладно, сейчас он заберёт меч и покинет эту пещеру. А бесстыдная ведьма пусть до смерти тут замёрзнет.

Ашарат подобрал великолепной работы ножны, украшенные драгоценными камнями и богатой резьбой по металлу. Таких сроду не было у великого полководца. Но сейчас не до любования искусством неведомых мастеров. Пора уходить.

На полу валялись роскошные ножны, под стать волшебному мечу. Ашарат нацепил перевязь и затем бережно взял клинок. Словно живой, тот затрепетал в руке. «Хорошо сбалансированный и на удивление лёгкий, – отметил владыка. – Идеальное оружие». Полководец взмахнул им несколько раз. Чувство единства с мечом обрадовало его и словно вдохнуло новые силы. Он ощутил себя богом – великим и всемогущим. «С этим оружием я непобедим!» – возрадовался завоеватель.

– Ашила, – нежно произнёс Ашарат, любовно разглядывая меч.

– Наконец я тебе понравилась, – прямо над ухом раздался довольный женский голос.

Полководец вздрогнул и осмотрелся. Но не увидел очаровательную развратницу. Ну и чёрт с ней. Ведьма его больше не интересовала. Ашарат получил то, за чем пришёл, и теперь не жалел, что потратил пару дней на дорогу сюда.

Полководец вложил клинок в ножны и покинул пещеру.

Месяц спустя отдохнувшее и насытившееся грабежами и пьяным разгулом, непобедимое войско великого Ашарата вторглось в Ритавию.

Полководец на коне с новым мечом в руке вёл армию в атаку. Соскучившиеся по ратному делу, бойцы с воодушевлением шли за грозным повелителем. Воины боготворили лидера, позволявшего им бездумно разрушать и убивать.

Когда Ашарат извлёк меч из ножен, чтобы вдохновить бойцов на битву, рядом с ним возникла девушка из пещеры. Она летела возле коня, весело смеясь и играя в своём полупрозрачном одеянии, трепетавшем на ветру.

Полководец встревоженно посмотрел на окружавших его воинов. Но похоже, больше никто не видел и не слышал ничего необычного. Ашарат стиснул зубы и постарался не обращать внимания на проклятую ведьму.

Из—за горы показалось войско защитников Ритавии. Ашарат издал воинский клич, означавший «В атаку!». И его непобедимая армия врезалась в строй противника, сокрушая и подминая под себя шеренгу за шеренгой.

Меч Ашарата вертелся в руке как живой, и враги падали один за другим. А летевшая рядом девушка визжала от восторга, когда очередная голова убитого летела под копыта жеребцов. Смерть поверженных доставляла ей удовольствие, а убийство – наслаждение. Меч будто сам находил и разил людей.

Ашарат устал и решил покинуть поле боя. Его войско и так побеждало и могло закончить сражение без лидера. Но девушка не отпускала его. Она звала убивать ещё и ещё, она насмехалась над ним, дразнила трусом, и Ашарат, сцепив зубы, молча рубил головы, начиная испытывать ненависть к страшному делу рук своих. И это адское действо продолжалось до тех пор, пока в живых не осталось ни одного противника.

Странная тишина повисла над полем боя, резко контрастировавшая с недавним боевым шумом. Ашарат поднял голову. Его войска стояли в отдалении и следили за своим полководцем. Они явно чего—то ждали.

Разгорячённый битвой, Ашарат подъехал к солдатам и поднял меч над головой.

– Мы победили! – возвестил полководец. – Ур—ра!

– Ура! – раздалось в ответ. А сколько тысяч ртов открывались в этом крике, не знал и он сам.

– Ты доволен Ашилой? – спросила девушка.

– Да, – искренне ответил Ашарат.

Красавица радостно засмеялась.

– Ты долго будешь преследовать меня, ведьма? – спросил он.

– До тех пор, пока меч с тобой, – ответила девушка.

– Но, почему? Кто ты? – допытывался полководец.

– Я – Ашила, душа меча.

Ашарат раздражённо сунул клинок в ножны – и в тот же миг его оглушили ужасные крики, стоны, плач. Казалось, он попал в ад.

Полководец достал меч из ножен – и в тот же миг шум исчез, но вновь перед ним появилась Ашила. Она весело смеялась, глядя на него. «Нет, только не её».Ашарат опять вложил меч в ножны – и снова мир заполнили вопли смерти.

– Ведьма! – в сердцах воскликнул он. – Что ты вытворяешь?! Почему я слышу ад, когда вкладываю меч в ножны?

– Это же самые сладкие звуки в мире, – весело ответила Ашила. – Последние крики твоих умирающих врагов. Неужели тебе неприятно их слышать? Разве не к этому ты стремился, заполучив волшебный меч в свои руки? Ты только послушай, как они забавно стонут, надрывно захлёбываются от слёз, обречённо просят пощады. Это же самое лучшее и правдивое искусство в мире.

И снова девушка засмеялась.

– Не хочешь их слушать, – бросила она с издёвкой, – будь со мной. Давай ещё порубим головы.

– Но мы и так всех убили, – простонал Ашарат, начиная испытывать ненависть к чудовищной красавице. – Мы не взяли в плен ни одного врага. Все мертвы.

– А вон те? – Ашила указала рукой на его собственную армию. – Мы можем их всех убить. Какая разница, кому отрезать головы? – И вновь её весёлый беззаботный смех раздался в ушах полководца.

Вне себя от ярости, Ашарат резко вложил меч в ножны. И опять стоны и крики обрушились на него. Они жалобно молили о пощаде, они захлёбывались кровью, они орали от боли, они завывали от ужаса…

Ашарат нервно засмеялся, и ему показалось, что страшные голоса немного притихли. Нет, они не исчезли совсем, а просто отдалились. Вздохнув облегчённо, полководец поскакал к своему войску.

В небе летели аэропланы, по земле ползли, сотрясая округу, тяжёлые танки, где—то ухали пушки, автоматные очереди комариным писком вспарывали воздух.

Ровно в полдень к Адской горе, с которой начинался хребет Демонов, подкатила военная легковушка с открытым верхом.

– Это здесь, старик? – лениво спросил развалившийся на заднем сиденье генерал Гарет и вытер обильный пот со лба.

– Да, – печально ответил старик, поникнув головой. Весь в грязных лохмотьях с длинной нечёсаной бородой, скрывавшей лицо, он казался призраком. Лишь его впалые исстрадавшиеся глаза с тоской взирали на мир.

Стояло жаркое лето. Но здесь, у отрогов Демонова хребта, росла лишь скудная трава да изредка пробивались сквозь каменистый грунт унылые чахлые кустарники. Ни одно живое существо не селилось возле Адской горы, будто проклятой самой природой.

– Ну пошли, – решительно произнёс генерал и открыл дверцу автомобиля. Затем молодцевато спрыгнул на землю и оправил подогнанную по фигуре военную форму.

Старик—проводник глянул на небо. Солнце стояло прямо над вершиной горы. Самое время.

Ледяное дыхание пещеры даже летом вымораживало саму душу. По мере продвижения вглубь становилось темнее и холоднее. Проводник включил фонарик, и луч света отразился от чёрных стен. «А здесь жутко, – подумал Гарет. – Кажется, с каждым шагом всё глубже опускаешься в преисподнюю».

Вскоре на перекрёстке тоннелей проводник свернул направо. Генерал не отставал. Он шёл буквально по пятам, горя желанием поскорее заполучить приз.

Старик остановился у шахты, почти вертикально поднимавшейся вверх и, сказав: «Нам сюда», начал восхождение.

Погодя, чтобы на голову не сыпались камешки, генерал последовал за ним. Поднимались долго. Гарет едва не сорвался несколько раз. А проводник, несмотря на преклонный возраст, уверенно карабкался вверх.

Завершив подъём, старик и генерал оказались в пещере. Весь пол тут был завален скелетами, а воздух – напоён миазмами разложения. Солнечные лучи проникали сквозь дыру в своде. А по центру грота сиял меч, вставленный в большой камень, словно алтарь, возвышавшийся над полом.

Генерал залюбовался клинком. На конце рукояти, выполненной в виде обнажённой женской фигурки, сверкал кровавый рубин. Гарет сразу начал прикидывать, сколько за него можно получить денег.

– А, великий полководец Ашарат пожаловал, – раздался весёлый девичий голосок. – Давненько я тебя не видела.

– Ашила, – затравленно выдавил старик и рухнул на колени.

Слева от меча Гарет увидел очаровательную девушку с чёрными развевающимися волосами. А затем генерал перевёл взгляд с прекрасной незнакомки на грязного старика.

– Так ты великий Ашарат, завоевавший едва ли не весь мир? – удивился Гарет.

– Да, – выдохнул старик и добавил чуть слышно: – Почти весь мир.

– А ты кто, воин? – спросил задорный девичий голосок.

– Я – Гарет, – ответил генерал, облапив жадными глазищами соблазнительную фигурку красавицы.

Плавно двигая бёдрами, как на подиуме, девушка прошла вперёд и остановилась в нескольких шагах от мужчин.

– Чего же ты хочешь, полководец Гарет? – спросила она томным голосом и игриво подмигнула, словно приглашая разделить с ней постель.

Гарет едва сдержался, чтобы не сказать: «Тебя». Но каким—то чутьём угадал, что это испытание, и ответил:

– Меч.

Девушка, словно опытная стриптизёрша, играючи спустила со своих плеч тонкие полоски ткани, поддерживавшие невесомое одеяние. А затем дала им упасть к ногам, обнажив при этом всё своё обворожительное тело.

Генерал возбуждённо уставился на очаровательную развратницу.

– Неужели ты хочешь какой—то презренный кусок металла, а не меня? – томно спросила девушка.

От страстного женского голоса у Гарета всё закружилось перед глазами. Это дьявольское искушение. В самом деле, зачем ему меч? Такой красавицы он в жизни не видел. Протяни руку – и станешь её обладателем.

– Прочь с дороги, потаскуха! – рявкнул Гарет, сам удивившись, как смог устоять перед искушением плоти.

Собравшись с духом, генерал пошёл на девушку, намереваясь столкнуть её с дороги. Он могуч и решителен, как идущий в атаку танк. Но его руки неожиданно прошли сквозь тело красавицы. Изумлённый и озадаченный, Гарет остановился.

– А ты смелый мужчина, – девушка вновь стояла возле меча и заливалась смехом.

Генерал взглянул на сверкавший клинок. Осталось лишь подойти и взять его. Гарет сделал шаг, но тут девушка перестала смеяться и спросила:

– Ашарат, а ты разве не сказал, что у меча может быть только один хозяин?

Гарет всё понял. Не зря же генерал. Он поворачивался к старику, а пистолет был уже в его руке. Дуло тупым взглядом уставилось на некогда великого полководца – божественного Ашарата. Ещё миг…

За этот миг вся жизнь прошла перед мысленным взором Ашарата. Его сиротское детство при живых родителях, которых он терпеть не мог; бесшабашная юность солдата; ужасный страх перед миром; садистская жестокость к людям и множество трупов. А всё ради того, к чему жадно тянулась его душа – власти.

Ашарат в этот краткий миг вспомнил, как стал полководцем; как Халин всучил ему проклятый меч; как он завоевал с ним почти весь мир; как коварная Ашила сводила его с ума, и он, не в силах выносить влияния дьявольского оружия, отрёкся от власти и покинул войско, чтобы вернуть меч в пещеру. С тех пор он неутомимо искал нового хозяина для Ашилы.

Тело Ашарата было исполосовано множеством рубцов и шрамов – это следы бесчисленных попыток уйти из жизни. Но, сам навлёкший на себя проклятие, он не мог легко избавиться от него. Он должен до конца пройти путь, уготованный ему бессердечной Ашилой, и испытать все муки, на которые сам обрёк себя. Это рок того, кто жаждал власти так, как он, и шёл на всё ради своей заветной цели.

И чего он достиг? Непобедимый Ашарат, от звука имени которого некогда дрожал весь мир, теперь на коленях вымаливал смерть у безжалостной Ашилы. Он больше не в состоянии слушать ужасные стоны умирающих, которые уже ничем не мог заглушить в своём воспалённом мозгу. Перед его глазами стояли жуткие картины смерти, сотворённые собственными руками – брызгающая кровь, вываливающиеся кишки, отрезанные головы.

Всё, к чему бы ни прикасался Ашарат, было отравлено ядом смерти. Он не познал любви, потому что образ Ашилы лишил его страсти. У него не было друзей, поскольку звуки преисподней отравили ему жизнь. Он завоевал почти весь мир, но не насладился радостью победы как человек, потому что не был им. Превращённый маниакальной страстью к власти и дьявольским мечом в чудовище, он своими бессмысленными завоеваниями нёс лишь смерть.

Бессмысленными – потому что всё завоёванное им рассыпалось в прах. Порабощённые народы вновь обрели независимость. Вместо убитых родились новые поколения, теперь проклинавшие непобедимого Ашарата.

Что же осталось в истории после его великих деяний? Слёзы матерей, ненависть мужей, забвение в памяти потомков. Тяжкие годы испытаний помогли Ашарату понять, что на самом деле он ничего великого не совершил. Всё, некогда сотворённое им, забылось спустя лишь несколько лет после его отречения. Народы, дрожавшие от одного имени грозного завоевателя, изгнали его образ из своей памяти. Даже соратники, всегда поддерживавшие великого полководца, затем прокляли само имя Ашарата.

Скупая слеза вытекла из закрытых глаз. Не в силах смотреть на собственного убийцу, которого сам же и привёл, Ашарат склонил голову, будто положил на плаху.

А под беззаботный хохот Ашилы стальная пуля уже несла смерть великому Ашарату, могучему Ашарату, непобедимому Ашарату, чьи войска…

Бездыханное тело Ашарата пало возле обезглавленного скелета некогда великого завоевателя Халина.

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

На грани небытия

«У циклоунисов сдали нервы, и они решили ответить самым мощным оружием, каким обладала их цивилизация – энергетическим деструктором…»

Павел несколько раз пробежал глазами строку. С минуту задумчиво посидел перед экраном компа и затем отключил программу. Ступор. За целый месяц не написал ни одного предложения. А ведь казалось, что конец уже близок: несколько финальных сцен – и роман готов. Но нет. Муза словно взяла отпуск и уехала далеко—далеко. К сожалению, с этой капризной госпожой такое иногда случается.

Павел устало выбрался из—за консоли. Нет, он сегодня не работал много. Его доканывали безделье и абсолютная пустота в голове. Того волшебного ощущения творческого подъёма, когда строчки будто сами ложатся на лист, а душа поёт от радости, он не испытывал уже давно. И потому страдал.

– Всё к чёрту! – воскликнул Павел в сердцах и вырубил комп.

Спустя двадцать минут, укутавшись в стёганную куртку с капюшоном, он уныло брёл по ночной улице. Фонари горели как обычно, но из—за метели света едва хватало, чтобы разглядеть контуры зданий по сторонам проспекта. Настроение – хочется повеситься. Когда душа страдает, весь мир не мил.

Вот и набережная, сразу же пахнувшая резким ветром и ледяным дыханием реки. Павел надвинул шарф на лицо, стараясь укрыться от пронизывающего холода, и направился к перилам. «А может, утопиться? – пронеслась крамольная мысль. – Зачем такое существование, если ничто не радует?»

А снег крепчал. Отворачиваясь от бивших в лицо колючек, Павел облокотился на перила и склонился над пропастью. Там, внизу, плениший реку лёд призрачно белел в неярком свете далёких фонарей. Некий внутренний порыв толкал вперёд, но сознание всё же оценивало ситуацию: «Да, у тебя депрессия, вызванная творческим упадком. Но это же не повод для самоубийства».

– А кому какое дело?! – дрожа от холода, рявкнул Павел, желая заглушить внутренний голос.

– Ты не прав, – заявил кто—то.

Но несчастный писатель, беседовавший с собственным эго, не обратил на него внимания. «Я выдохся. Я уже сказал миру в своих книгах всё, что должен был. Или мог, – продолжал Павел разговор с собой. – Потому муза и покинула меня. А значит, мне больше нечего тут делать».

– Как же всё осточертело! – в сердцах воскликнул он.

– А ты говори, говори, – вновь раздался голос. – Всё легче станет.

– Не понял, – оглянулся Павел. Он впервые услышал незнакомца. – Кто здесь?

– А какая разница? – хмыкнул печальный мужской голос. – Ты пришёл сюда излить душу – так лучше с кем—то беседовать, чем внутри себя бегать по кругу. Всё равно никуда не прибежишь.

– А мне никуда и не надо. Я отбегал своё.

Ветер стих, будто кто—то закрыл дверь. Зато сильнее повалил снег, и на лицо стали налипать противные холодные комочки. И без того мерзкое настроение Павла упало до нуля.

«Вот, уже голоса чудятся, – подумал он. – Значит, у меня галлюцинации. Я спятил. Всё. С этим пора кончать».

Как—то само получилось, что нога поднялась и легла на перила. Но здесь балюстрада была достаточно высокая, по грудь стоявшему человеку, так что Павел не смог забраться на ограждение и застрял в неудобной позе.

– Вот гляжу и не пойму, – сказал незнакомец, – ты гимнастикой занимаешься или решил поупражняться в ночном плавании?

Возможно, из—за неудачи пришло отрезвление, и мозг Павла лихорадочно заработал, пытаясь найти объяснение ситуации. «Наверное, из—за снега я не вижу собеседника, – пронеслась мысль. – Но он хорошо меня видит».

– Ты где? – спросил Павел, выворачивая голову.

– Да здесь я. Куда мне деться—то?

– Не вижу.

– Ну, если тебе нужен зрительный образ, то вот он я. – Из белого марева проступил тёмный контур и остановился на грани видимости.

– Ты кто? – спросил Павел, стараясь разглядеть незнакомца.

– Да какая разница? – хмыкнул силуэт.

– Если ты решил побеседовать со мной, то должен же я как—то тебя называть.

– Не важно. Я здесь мимоходом. А тут гляжу – ещё кому—то не сидится дома, хотя там уютнее и теплее. Да и комп, наверное, уже заждался.

Павел тяжело вздохнул и шмыгнул носом, а из глаз выступили слёзы то ли от холода, то ли из—за вспыхнувших эмоций. Он уже был сегодня на свидании с пустым белым экраном. Опять пялиться в него – как—то не вдохновляло. Прямо боязнь чистого листа – профессиональная болезнь писателя.

– Что, не пишется? – участливо спросил незнакомец.

– Ты?! – Павел уставился на тёмный контур. А в голове закрутилось: «Кто этот незнакомец и откуда меня знает?»

– Давай, поговори со мной, – участливо предложил силуэт. – Попробуй. Всё легче станет. А там, глядишь, и проблемы как—то разгладятся. Снова творческий ступор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.